

DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-188-203-210
УДК 94(47).082.1

Трансформация общественного сознания советской молодежи в условиях массовых политических репрессий 1937–1938 гг.

Кузьма Александрович ЯКИМОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1756-3515>, e-mail: gnom-gnom123@mail.ru

Transformation of public consciousness of Soviet youth in the conditions of mass political repressions of 1937–1938

Kuzma A. YAKIMOV

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1756-3515>, e-mail: gnom-gnom123@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию особенностей восприятия молодежью репрессивной политики советской власти. На основе изученных архивных документов и материалов периодической печати Тамбовской области показаны основные способы адаптации молодежи к ужесточившейся системе политического контроля. Раскрыты основные мотивы, по которым юноши и девушки принимали участие в совершении доносов. Сделан вывод о том, что большинство молодых ребят искренне верили заявлениям пропагандистских структур о существовании бесчисленного множества «врагов народа» и необходимости их разоблачения. Однако были и те, для кого террор стал возможностью продвинуться по карьерной лестнице или утолить жажду мести. Доказано, что в молодежной среде выработался пооданнический тип политической культуры, осуществлялась деиндивидуализация сознания. Страх за собственную жизнь порождал двоемыслие среди большинства несогласных с партийной линией. Тем не менее существование критических и протестных настроений свидетельствует о наличии личного восприятия молодежью явлений советской действительности, существенно отличавшегося от официальных оценок.

Ключевые слова: молодежь; комсомол; репрессии; общественные настроения; политическая культура; общественное сознание

Для цитирования: Якимов К.А. Трансформация общественного сознания советской молодежи в условиях массовых политических репрессий 1937–1938 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 188. С. 203-210. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-188-203-210

Abstract. The work is devoted to the study of the peculiarities of youth perception of the repressive policy of the Soviet regime. On the basis of the studied archival documents and periodicals materials of the Tambov Region, the main ways of adaptation of youth to the toughened system of political control are shown. We reveal the main motives for which young men and women took part in making denunciations. It is concluded that the majority of youth sincerely believed the statements of propaganda structures about the existence of countless “enemies of the people” and the need to expose them. However, there were those for whom terror became an opportunity to advance their careers or to satisfy their thirst for revenge. It is proved that in the youth environment a submissive type of political culture was developed, and deindividualization of consciousness was carried out. Fear for one’s own life spawned doublethink among the majority of those who disagreed with the party line. Nevertheless, the presence of critical and protest sentiments testifies to the existence of a personal perception of the phenomena of Soviet reality by young people, which significantly differed from official assessments.

Keywords: youth; Komsomol; repression; public sentiment; political culture; public consciousness

For citation: Yakimov K.A. Transformatsiya obshchestvennogo soznaniya sovetской molodezhi v usloviyakh massovykh politicheskikh repressiy 1937–1938 gg. [Transformation of public consciousness of Soviet youth in the conditions of mass political repressions of 1937–1938]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 188, pp. 203-210. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-188-203-210 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Процесс формирования «нового человека» в условиях массовых политических репрессий породил ряд противоречивых социальных последствий, отразившихся в том числе и в изменении специфических черт сознания подрастающего поколения. Оказавшись под влиянием пропагандистских установок, молодежь, воодушевленная лозунгами о необходимости разоблачения «врагов народа», стала активным участником тотальных чисток. Однако для того, чтобы глубже понять основные способы адаптации юношей и девушек к реалиям сталинского террора, необходимо изучить особенности восприятия молодежью репрессивной политики советского руководства. Вместе с тем многое из того, что составляло атмосферу рассматриваемого периода (доносительство, двоемыслие), имеет место и по сей день. В связи с чем проведенное исследование будет полезно в целях расширения представлений об особенностях и закономерностях развития общества в целом.

В советской историографии проблема изучения сознания молодежи в годы массовых политических репрессий по ряду объективных причин оставалась без внимания исследователей. Характер научного поиска находился в определенной зависимости от официальных оценок и проводимой в стране политики. Тем не менее в работах С.Н. Иконниковой был проанализирован феномен молодежи, определены ее роль, значение и социальные функции [1].

Наибольший интерес для тематики настоящего периода представляют работы, появившиеся после радикальных перемен общественно-политической жизни конца 1980-х гг., а также современные исследования. Особое внимание исследуемой проблематике уделяется в работах В.К. Криворученко [2]. Значимость его исследования заключается в том, что он одним из первых указал на негативные социально-психологические последствия репрессий. Автор су-

мел не только проанализировать роль комсомольских организаций в политических чистках, но и раскрыл причины поддержки молодежью кампании по разоблачению «врагов народа».

Комплексному изучению положения молодежи в политической системе советского общества в 1920–1930 гг. посвящена работа Л.С. Цветлюк [3]. Автор исследовала как негативные, так и положительные стороны существовавшего в Советском Союзе молодежного движения, выявила основные последствия усиления политического контроля над жизнедеятельностью молодежи. Л.С. Цветлюк приходит к выводу о том, что молодежь не только была объектом политики, но и реальной действующей силой, оказывавшей влияние на строительство новой социально-экономической системы.

Проблема изучения политического контроля над подрастающим поколением была подробно изучена Р.Г. Гостевым и Б.Н. Гусевым [4; 5]. Не меньшего внимания заслуживают работы И.Л. Долговой, в которых на примере Дальневосточного региона в 1930-е гг. были проанализированы ментальные установки и общественные настроения молодых людей, показана роль комсомола в активизации массовых репрессий. Существенный интерес представляют работы исследователя молодежного движения А.А. Слезина. С привлечением архивных материалов Тамбовской области ученый подробно изучил изменения в политико-воспитательной работе комсомольских организаций в период массовых политических репрессий. По его справедливой оценке, в молодежной среде выработывался рефлекторный тип политической культуры, усиливший антидемократические тенденции внутри молодежного союза [6].

Однако недостаточная изученность темы предопределила наше обращение к исследуемой проблеме. Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом апогея массовых репрессий в 1937–1938 гг.

Территориальные рамки охватывают Тамбовскую область. По нашему мнению, региональная локализация способствует более детальному рассмотрению и анализу явлений и процессов в молодежной среде. Цель исследования заключается в изучении особенностей сознания молодежи в годы Большого террора. Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие задачи: проанализировать специфику общественно-политической жизни молодежи в 1937–1938 гг., выявить основные причины поддержки молодым поколением репрессивной политики советского руководства, изучить характер общественных настроений, а также раскрыть основные способы адаптации юношей и девушек к реалиям сталинского террора. Среди научных методов, использованных при написании работы, можно выделить: описание, сравнение, дедукцию, социологический анализ, обобщение. Источниковедческую базу представленного исследования составили документы центрального и местных архивов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Кроме того, были проанализированы материалы периодической печати Тамбовской области исследуемого периода.

Известно, что первостепенную роль в вопросах политического воспитания молодежи в середине 1930-х гг. играл комсомол, деятельность которого целиком направлялась и регулировалась правящей партией. Особое внимание в исследуемый период комсомольские работники акцентировали на необходимости «воспитывать себя в духе беззаветной преданности вождю народов т. Сталину, в духе любви к социалистической Родине, в духе презрения к врагам народа»¹. На практике подобные установки способствовали формированию культового сознания и усилению атмосферы подозрительности в обществе. При этом, если в предшествующий период под понятием «враг народа» чаще всего понимался «классовый враг», то отныне любой мог оказаться «врагом». Материалы периодической печати, в частности, публикуемая в газетах информация о московских процессах, только подливали масла в огонь постоянными рассказами о разоблачении «врагов».

¹ ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области) Ф. П-1183. Оп. 1. Д. 172. Л. 23.

Для вынесения обвинительного приговора было достаточно неосторожного заявления в адрес советской власти, «нездорового» социального происхождения или, к примеру, хранения запрещенной литературы. Например, комсомолку Милавинович исключили из молодежного союза с формулировкой «не внушающая политического доверия» за то, что та задала следующий вопрос: «Как считать то, что Троцкий был одно время председателем Реввоенсовета, как заслуга или нет?»². По всей видимости, для большинства комсомольских работников ответ на подобный вопрос был вполне очевиден, хотя, разумеется, и противоречил исторической действительности.

Одним из важнейших механизмов распространения террора были доносы, которые после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в 1937 г. приобрели эпидемический характер. По сути, молодое поколение оказалось разделенным на две части: тех, кто участвовал в репрессивной машине или поддерживал террор (пускай подчас лишь внешне), и тех, кто оказался объектом репрессий (вне зависимости от причин). При этом советское руководство настойчиво убеждало общество в «добродетельности доносов», а сами разоблачители нередко возводились в ранг национальных героев. Однако причины, по которым молодые люди становились активными участниками политических репрессий, были разнообразны.

Одним из основных мотивов был страх за собственную жизнь, поскольку не было лучше способа избежать доноса, чем совершить его самому. Те, кто отказывался или был нерешителен в разоблачении «врагов», рисковали сами стать жертвами усилившегося политического контроля и получить распространенное обвинение в потере «политической бдительности». В частности, комсомолец Ильинского исключили из рядов ВЛКСМ за то, что он из чувства товарищества воздержался от голосования при обсуждении вопроса об исключении из молодежного союза учеников, родители которых арестованы за связь с «врагом народа»³. Аналогичная участь постигла комсомольца Иванова, кото-

² РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории) Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1244. Л. 17.

³ ГАСПИТО. Ф. П-1176. Оп. 1. Д. 218. Л. 52.

рый впоследствии «сожалел» о том, что не донес на своего начальника, критиковавшего советскую власть и желавшего реставрации дореволюционных порядков⁴.

Были случаи, когда под угрозой исключения из партии или комсомола молодые люди были готовы клеветать и совершать доносы, в том числе и на своих родственников. Весьма характерно поведение молодого комсомольца Чугреева, который в своем заявлении о восстановлении в рядах ВЛКСМ каялся, что не сообщил о «троцкистской» деятельности своего отца⁵. Интересы сохранения собственной жизни, а также успешной социализации в будущем становились приоритетнее сохранения семейных ценностей и авторитета родителей. По всей видимости, подобное поведение было следствием деморализации морально-нравственных ценностей молодого поколения, дезориентированного атмосферой всеобщего страха и подозрительности в период массовых политических чисток.

Не менее важной причиной активности молодежи в разоблачении «врагов» была искренняя вера в то, что своим участием они исполняют великий долг. Во многом этому благоприятствовал тот факт, что в исследуемый период в средствах массовой информации культивировалось доносительство. В то же время ужесточение борьбы со всякого рода антисоветскими элементами по мере продвижения к коммунизму воспринималось некоторыми молодыми ребятами как вполне закономерное явление. Тем более что такую установку давал сам «вождь народов». В сознании молодежи складывалась иллюзия продолжения революции, принявшей форму борьбы против новых вредителей. Рассмотрим характерный отрывок из заявления молодого слесаря Стрыгина: «В ответ на вылазку контрреволюционеров, изменников Родины, мы еще крепче должны драться»⁶.

Кроме того, в годы Большого террора многие юноши и девушки действительно верили в необходимость репрессий для защиты государства от посягательств «изменщиков». Например, молодой слесарь Рублев на заводе «Красный боевик» заявлял: «Нужно раздавить всю эту троцкистско-каменевскую тварь,

они хотят развала нашей страны»⁷. Не менее показательны настроения юного стахановца Разлужина: «Презренье и смерть бешеным собакам! Смести с лица советской земли фашистско-троцкистско-бухаринскую и всякую иную нечисть»⁸. Сохранившиеся исторические источники изобилуют подобными примерами.

Созвучно тону советской пропаганды, часть молодежи отождествляла цели «вражеской деятельности» с возвратом к поруганному прошлому, которое чаще всего общественным сознанием молодежи ассоциировалось с такими понятиями, как рабство, кабала, неравенство, эксплуатация. Например, машинист Максимов говорил: «Мы должны уничтожить всех этих троцкистско-фашистских гадов, они хотят вернуть капитализм и эксплуатацию»⁹. Молодой электромонтер заявлял: «Нет места реставраторам капитализма, предателям рабочего класса в нашей стране. Мы требуем всех до одного расстрелять»¹⁰. Еще более иллюстративны настроения комсомольца Полянцева, опубликованные в областной молодежной газете: «Презренные бандиты – Бухарин, Рыков, Ягода и им подобная падаль всячески старались подорвать мощь нашей страны. Они хотели отнять у нас права Сталинской Конституции, пытались восстановить капиталистический строй»¹¹. По всей видимости, большинство молодых людей, поддерживавших террор, усматривали необходимость репрессий для защиты страны от посягательств на социалистическую Родину. В сознании значительной части молодежи репрессии были вполне закономерным следствием «вражеского капиталистического окружения», о котором постоянно заявляли в пропаганде, и потому юноши и девушки верили в необходимость разоблачения «шпионов, диверсантов и иных предателей», якобы проникших в Советский Союз.

Охваченные стремлением проявить свою преданность перед партией и комсомолом, молодые люди писали доносы, а первичные организации, в силу чрезвычайной загруженности, а подчас и банальной халатности не

⁴ ГАСПИТО. Ф. П-1176. Оп. 1. Д. 218. Л. 1.

⁵ ГАСПИТО. Ф. П-1183. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1234. Л. 2.

⁷ ГАСПИТО. Ф. П-1183. Оп. 1. Д. 35. Л. 8.

⁸ Коммуна. 1937. 12 июня. С. 1.

⁹ ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 1. Д. 475. Л. 11.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 23. Л. 2.

¹¹ Молодой сталинец. 1938. 4 марта. С. 1.

проверяли материалы дел и выносили решения об исключении. К примеру, комсомольца Захарова исключили из молодежного союза как «врага народа» за то, что в беседе с товарищем о том, как различить немецкий самолет, он нарисовал на двери фашистский знак и забыл его стереть¹². Схожая участь постигла молодого избача Тюрина, который отложил «вражескую литературу» и не знал, куда ее сдать¹³. Еще более иллюстративны настроения комсомолки Ивашкиной: «Когда я узнала, что Файнберг враг, то была настолько поражена, что плакала. Но это был не результат сочувствия Файнбергу, а чувство горькой досады на себя за то, что я могла доверять и уважать этого мерзавца... И вот, это было истолковано как сочувствие Файнбергу, как политическая неустойчивость»¹⁴. Вполне очевидно, что подобное отношение стимулировало рост недовольства и желания восстановить справедливость, однако, большая часть апелляций «неблагонадежных» комсомольцев осталась без рассмотрений.

Нередко клевета и доносы использовались молодежью в качестве возможности продвинуться по карьерной лестнице или утолить жажду мести. По сути, сам механизм репрессий становился своего рода социальным лифтом для карьеристов и обиженных. В сложившихся обстоятельствах такие общечеловеческие ценности, как дружба, преданность и честность нередко подменялись желанием урвать свой шанс и продвинуться по карьерной лестнице. В этом отношении весьма показательны признания комсомольца Аббакумова: «Начиная с февраля 1938 г., пытаюсь пробить себе карьеру, я встал на неправильный путь – путь клеветы и обмана. Лензин приказом снял меня с работы, за что я решил отомстить. Я написал письмо на его имя, в котором заявлял, что Лензин состоит в контрреволюционной группе. Все это был вымысел, и я поступил очень неправильно – выступал с клеветой»¹⁵. Первокурсник Лебедев был обвинен в порче портретов вождей, но при более тщательном изучении данного инцидента выяснилось, что портрет испортил его однокурсник Титов, который, пытаясь избежать наказания, оклеветал своего това-

рища¹⁶. Разумеется, раскаивались молодые люди исключительно под нажимом со стороны комсомола или партии, и только в том случае, когда не подтверждалось обвинение в адрес потенциального «врага». К сожалению, в полной мере оценить масштаб клеветнических показаний среди общего числа обвинений не представляется возможным. Однако очевидно следующее – раскрученный маховик политических репрессий углубил разобщенность молодого поколения, что, в свою очередь, нередко приводило к потере чувства товарищества и солидарности.

Кратно возросший масштаб репрессий способствовал формированию атмосферы всеобщей подозрительности и недоверия. Для того чтобы не попасть под удар со стороны мнимых «врагов», нужно было быть всегда на чеку. Тем не менее избежать политических обвинений удавалось не всегда и не всем. Разумеется, жертвы необоснованных репрессий желали восстановления справедливости и требовали привлечения к ответственности обидчиков. Весьма показательны в этом отношении настроения комсомольца Силантьева: «Людей, оскорбивших, назвавших меня врагом народа, за клевету я буду привлекать к ответственности»¹⁷. В то же время обвинения во вражеской деятельности очень болезненно переживались молодым поколением. К примеру, в Кирсановском районе молодой комсомолец, после того как услышал позорный ярлык «враг народа» в свой адрес, попытался покончить жизнь самоубийством, пырнув себя ножом в живот¹⁸. Такое поведение вполне объяснимо, поскольку став «врагом народа», молодой человек становился фактически изгоем общества, для которого были закрыты все социальные лифты. В то же время и само общество с большим подозрением и недоверием относилось к политическим преступникам и их семьям.

Однако, если среди своих вчерашних друзей молодежь запросто усматривала «шпионов и диверсантов», то смириться с обвинениями в свой адрес молодые люди не могли, принимая это за роковую ошибку или

¹² ГАСПИТО. Ф. П-1176. Оп. 1. Д. 218. Л. 64.

¹³ ГАСПИТО. Ф. П-1176. Оп. 1. Д. 218. Л. 35.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1244. Л. 57.

¹⁵ ГАСПИТО. Ф. П-1176. Оп. 1. Д. 218. Л. 13.

¹⁶ ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 1. Д. 437. Л. 213.

¹⁷ ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 1. Д. 475. Л. 13.

¹⁸ ГАОПИВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. 8. Оп. 1. Д. 479. Л. 53.

недоразумение. Например, комсомолец Хромов, осужденный за идею о невозможности построения коммунизма в одной стране, так объяснял свое несогласие с выдвинутым обвинением: «В чем здесь троцкизм? Если я сам с этим не имею ничего общего и о троцкизме узнал из книг и газет, а мне приписывается позорная кличка – троцкист»¹⁹. Сомнение и недовольство высказывал исключенный из комсомола Яковлев: «Меня исключили из комсомола за книжку Троцкого, хотя я считаю, что в этом нет ничего серьезного, ведь он был соратником Ленина»²⁰.

И лишь немногие были готовы защищать опороченные честь и имя своих ближайших родственников. Например, комсомолка Хорман на комсомольском собрании защищала своего отца, осужденного за хранение в квартире портретов «врагов народа»²¹. Весьма показателен отрывок из апелляционного письма, адресованного первому секретарю А.В. Косареву: «На самом деле мой отец 34 года живет без выезда на одном месте, работая учителем. Никогда ни в какой партии не был, и это клевета на отца была пущена после того, как он вступил в борьбу с заведующим»²². Однако заступаться за «врагов народа» было небезопасно, поскольку личность сочувствующего начинала вызывать подозрения и недоверие окружающих. Неудивительно, что комсомолец Напряхин, желая избежать возможной травли, повесился после того, как дал положительную характеристику брату, посаженному за контрреволюционную деятельность²³.

В целях адаптации к ужесточившимся общественно-политическим условиям значительная часть молодого поколения (особенно среди активистов) была вынуждена выставлять напоказ одну «истину», а вторую хранить в себе, что нередко порождало двойственность сознания и поведения. Поскольку сложившийся политический режим препятствовал формированию оппозиции, молодежь не могла проявлять открыто свое несогласие с партийной линией. Многие молодые люди были вынуждены скрывать свои истинные взгляды для того, чтобы соответство-

вать официальным критериям советского человека. В связи с этим публично граждане поддерживали советскую власть, ходили на собрания, одобряя всевозможные решения, и всем своим видом показывая свое довольство «счастливой и зажиточной» жизнью. Но оказавшись в узком кругу лиц, некоторые молодые люди начинали высказывать совсем иные, подчас антисоветские настроения. Так, молодой слесарь Куликов, работающий на заводе «Красный боевик», говорил: «Мне при царе жилось лучше, запасешь хлеб на зиму и играешь в картишки»²⁴. При этом сам Куликов был молодым членом партии ВКП(б), активным участником на партсобраниях, где заявлял о своей любви к Родине²⁵. Молодой рабочий завода «Комсомолец» Кузьмин неоднократно публично высказывал свои патриотические настроения и преданность партии, но среди своих друзей вел следующие антисоветские разговоры: «Советская власть – грабители! Работай, работай, а деньги вовремя не дают»²⁶.

Как видим, помимо пропагандистских установок существовало и личностное восприятие явлений общественно-политической жизни. Встречались немногочисленные случаи открытого несогласия молодых людей с репрессивной политикой советского руководства в отношении осужденных соратников Ленина. Так, сомнение и недоверие было присуще комсомольцу Мардасову, утверждавшему: «Я не верю Сталину, ведь не могли все они быть врагами»²⁷. Комсомолец Морозов говорил: «Если бы во время коллективизации послушались, как говорил Троцкий, то жилось бы лучше»²⁸. Еще более радикально высказывалась юная активистка завода «Ревтруд»: «Вот тебе и нынешняя советская власть, я считаю, нужно вернуть Троцкого, он бы навел порядок»²⁹. Как видим, многие лидеры сталинской оппозиции пользовались авторитетом среди молодых людей, нередко с их именами связывались надежды на лучшее будущее. При этом большинство юношей и девушек небезосновательно предпочитало умалчивать о революционных заслугах политических против-

¹⁹ ГАОПИВО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 576. Л. 90об.-91.

²⁰ ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 1. Д. 470. Л. 220.

²¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1238. Л. 52.

²² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 142. Л. 70.

²³ ГАСПИТО. Ф. П-1183. Оп. 1. Д. 172. Л. 25.

²⁴ ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 1. Д. 451. Л. 23.

²⁵ Там же.

²⁶ ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 1. Д. 473. Л. 212.

²⁷ ГАСПИТО. Ф. П-1183. Оп. 1. Д. 26. Л. 13.

²⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1236. Л. 38.

²⁹ ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 1. Д. 473. Л. 212.

ников Сталина и не высказывать свое неосторожное мнение на столь острые сюжеты.

Таким образом, репрессивная политика советской власти нанесла существенный урон сознанию молодого поколения. Молодежь оказалась разделенной на две группы – тех, кто участвовал в написании доносов, и тех, кто стал их жертвами, что, в свою очередь, подрывало чувство товарищества и усиливало общественную напряженность и разобщенность подрастающего поколения. Среди основных мотивов поддержки молодежью террора можно выделить: идеологическую убежденность в «очистительном» свойстве репрессий, страх за собственную жизнь, а также личные и карьеристские мотивы. С приспособлением к реалиям общественно-политической жизни деформировались нравственные ценности. Страх высказать публично свое несогласие с политикой партии стимулировало распространение двоемыслия. В реальности, самым безопас-

ным способом существования в условиях сталинского террора было решение стать политиком про себя, вследствие чего выработывался подданнический тип политической культуры, осуществлялась деиндивидуализация сознания молодых людей. Тем не менее репрессии не воспринимались молодежью как асоциальное явление, о чем свидетельствует отсутствие организованного сопротивления террору. В условиях усиления политического контроля над обществом большая часть молодежи была обеспокоена сохранением собственной жизни от нарастающих волн террора. Лишь немногие решались вести в кругу близких друзей разговоры о своем недовольстве репрессивной политикой советской власти и открыто выступать в защиту родных и близких, оказавшихся жертвами политических чисток. Судьбы подобных смельчаков в 1930-е гг., как правило, были трагичны.

Список литературы

1. *Иконникова С.Н.* Становление и развитие личности молодого человека: социологический аспект. М.: Знание, 1972. 36 с.
2. *Криворученко В.К.* Молодежь, комсомол, общество 30-х годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодежной среде. М.: Моск. гум. ин-т, 2011. 166 с.
3. *Цветлюк Л.С.* Молодежь в преобразовании страны на коммунистических началах: методология, историография, исторические уроки 1917–1941. М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2006. 393 с.
4. *Гостев Р.Г.* Формирование молодежи в условиях культа личности Сталина. Воронеж, 1991. 213 с.
5. *Гусев Б.Н.* Из истории молодежной организации. Комсомол в 20–30-е годы: уроки прошлого для настоящего. Кострома, 1997. 132 с.
6. *Слезин А.А.* Комсомольский трагифарс под аплодисменты Сталину // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2006. Т. 12. № 2. С. 520-530.

References

1. *Ikonnikova S.N.* *Stanovleniye i razvitiye lichnosti mladogo cheloveka: sotsiologicheskiy aspekt* [Formation and Development of a Young Person's Personality: Sociological Aspect]. Moscow, Znaniye Publ., 1972, 36 p. (In Russian).
2. *Krivoruchenko V.K.* *Molodezh', komsomol, obshchestvo 30-kh godov XX stoletiya: k probleme repressiy v molodezhnoy srede* [Youth, Komsomol, Society of the 30s of the 20th Century: on the Problem of Repression among the Youth]. Moscow, Moscow Humanitarian Institute Publ., 2011, 166 p. (In Russian).
3. *Tsvetlyuk L.S.* *Molodezh' v preobrazovanii strany na kommunisticheskikh nachalakh: metodologiya, istoriografiya, istoricheskiye uroki 1917–1941* [Youth in the Transformation of the Country on a Communist Basis: Methodology, Historiography, Historical Lessons 1917–1941]. Moscow, Moscow Humanitarian Institute Publ., 2006, 393 p. (In Russian).
4. *Gostev R.G.* *Formirovaniye molodezhi v usloviyakh kul'ta lichnosti Stalina* [Formation of Youth in the Context of the Personality Cult of Stalin]. Voronezh, 1991, 213 p. (In Russian).
5. *Gusev B.N.* *Iz istorii molodezhnoy organizatsii. Komsomol v 20–30-e gody: uroki proshlogo dlya nastoyashchego* [From the History of the Youth Organization. Komsomol in the 20s–30s: Lessons of the Past for the Present]. Kostroma, 1997, 132 p. (In Russian).

6. Slezin A.A. Komsomol'skiy tragifars pod aplodismenty Stalinu [Komsomol tragedy to applause for Stalin]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Transactions of the Tambov State Technical University*, 2006, vol. 12, no. 2, pp. 520-530. (In Russian).

Информация об авторе

Якимов Кузьма Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и философия». Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: gnom-gnom123@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1756-3515>

Поступила в редакцию 06.08.2020 г.
Поступила после рецензирования 03.09.2020 г.
Принята к публикации 25.09.2020 г.

Information about the author

Kuzma A. Yakimov, Candidate of History, Associate Professor of “History and Philosophy” Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation. E-mail: gnom-gnom123@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1756-3515>

Received 6 August 2020
Reviewed 3 September 2020
Accepted for press 25 September 2020